

человеческого существования в философской системе С. Кьеркегора и философии экзистенциализма. Исходя из свершенного анализа, предложено новое комплексное определение понятия предела, инструментально приемлемое для исследований различных состояний процесса человеческого становления и самоактуализации.

Ключевые слова: предел, пограничность, человек, выбор, варибельность, Ум, Сердце, экзистенция, пограничная ситуация.

* * *

УДК 1(091):159.923.2

Данилова Т. В.,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, Национальный университет
биоресурсов и природопользования Украины
(Украина, Киев), danilova_tv@ukr.net

КОНЦЕПЦИЯ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В постмодернистском смысле все является интерпретацией – мы сами создаем свою реальность, интерпретируя окружающий мир. Становится все более очевидным, что существуют альтернативные способы мышления, восприятия мира и самоопределения человека в нем. Именно это осознание приводит к признанию и исследованию «альтернативных реальностей». Такое расширение сознания меняет и само понимание человеческой идентичности: человеческое «Я» больше не является чем-то единым и неделимым, а, наоборот, состоит из различных, часто противоречивых, частей. Постмодернистский плюрализм требует осознания возрождения плюралистической самости, множественного «Я». Анализу концепции идентичности в постмодернистской картине мира и посвящена данная статья.

Ключевые слова: идентичность, плюралистическая идентичность, субъект, реальность, сознание, бессознательное.

(статья друкється мовою оригіналу)

Постмодернизм в значительной степени является реакцией на уверенность науки в собственных усилиях объяснить окружающий мир и определить место человека в этом мире. По сути, это связано с признанием того, что реальность, которую мы воспринимаем, не является реальностью *per se*, но, скорее, является металным конструктом. Именно поэтому постмодернизм скептически относится к объяснениям, которые претендуют на абсолютную истинность. Вместо этого он фокусируется на относительности истины для каждого человека. В постмодернистском смысле все является интерпретацией – мы сами создаем свою реальность, интерпретируя окружающий мир. Реальность возникает в результате нашей интерпретации того, что мир означает для каждого из нас лично. Осознание плюралистической реальности эпохи постмодернизма ставит под сомнение полноту и абсолютную истинность любой картины мира, представленной с одной позиции. Становится все более очевидным, что существуют альтернативные способы мышления, восприятия мира и самоопределения человека в нем. Именно это осознание приводит к признанию и исследованию «альтернативных реальностей». Такое расширение сознания меняет и само понимание человеческой идентичности: человеческое «Я» больше не является чем-то единым и неделимым, а, наоборот, состоит из различных, часто противоречивых, частей.

Бурная полемика, развернувшаяся вокруг постмодернизма в последние десятилетия, связана с попытками описать и сам постмодернистский дискурс, и новое понимание человека в рамках этого дискурса. Критики постмодернистского поворота утверждают, что новое мировоззрение – это лишь дань моде, выдумки интеллектуалов в поисках нового дискурса как источника

культурного капитала или еще одна идеология, созданная с целью девальвировать ценности эпохи модерна. Сами же представители постмодернизма отмечают, что выпады в адрес классической рациональности являются обоснованными. Мечты Просвещения о царстве разума так и не превратились в реальность, о чем ярко свидетельствуют ужасные социально-политические катаклизмы XX в. Одновременно некоторые исследователи, в частности, А. Кирби [10], утверждают, что годы избыточности, пастиша и паратакиса канули в Лету и «провозглашают» упадок и смерть постмодернизма. Выдающийся американский теоретик постмодернизма И. Хассан в своей работе «From Postmodernism to Postmodernity: the Local/Global Context» [9] отмечает, что от постмодернизма 60–80-х годов прошлого века остался лишь его призрак, который до сих пор бродит по Европе, Америке, Австралии, Японии и пытается обрести новую жизнь и новое имя. В процессе своего развития постмодернизм сам выявил свои теоретические проблемы. Сам термин «постмодернизм» является не только неудачным: он эдипальный и напоминает мятежного, но бессильного подростка, который не может отделить себя полностью от своих родителей, не может дать себе новое имя, такое как барокко, рококо, романтизм, символизм. То есть, отношение постмодернизма к модернизму остается неоднозначным, а порой и «паразитическим». Однако постмодернизм поставил вопросы, которые не могут быть решены в рамках уже существующих парадигм.

Цель. В статье предпринята попытка проанализировать концепцию человеческой идентичности в постмодернистской картине мира.

Теоретический базис и результаты. Постмодернистская философия подвергает сомнению устойчивость мира и культуры, поскольку все, с чем имеет дело человек, по сути, является иллюзией [2]. Неклассическая онтология постмодернизма связана с оперированием открытыми динамическими системами, которые невозможно описать с помощью понятий, основанных на модели бинарных оппозиций. Постмодернисты обращаются к хаотической, алогичной сущности бытия, которую можно познать только в результате эмпатической связи с многообразным миром людей и культур.

В эру плюрализма и фрагментации картины мира само понятие единого, неделимого «Я» звучит как анахронизм. Французский структуралист К. Леви-Стросс [11] отмечал, что в социальных структурах любое уникальное чувство собственного «Я» стремится раствориться в коллективном «Я». Соответственно, множественное «Я» становится необходимым для моделирования областей взаимного интереса, таких как отношения между коллективными идентичностями, циклический (в большей степени, чем линейный) характер времени, миф как альтернатива истории.

Одним из принципиальных различий в восприятии мира между так называемыми цивилизованными европейцами (начиная с эпохи Нового времени) и представителями племенных сообществ является понимание своего «Я» [8]. Европейцы понимают «Я» как целостную, неделимую структуру, в то время как каждый представитель племени отождествляет себя с чем-то, что находится вне его тела и духа: с животным, растением, горой. Сущностью европейца выступает бессмертная

и нематериальная душа, которая неделима. Природа жителя племени множественна: он не только является самим собою, но с момента рождения ассоциируется с определенным видом растений или животных. Представители племенных культур, как правило, чувствуют свою причастность к тотемным животным, богам или умершим предкам, воспринимают себя как множественные личности, определяя эти личности не как части себя, но как независимые души и духи.

Постоянно пересказывая текст, племенные культуры превращают исторический рассказ в миф, который, оперируя циклическим временем, объединяет прошлое, настоящее и будущее в единое целое. Миф находится вне времени, он выходит за рамки исторических особенностей, современность предстает в нем как повторение прошлого. Постмодернизм обращается к глубоким традициям мифологического сознания, которое связано с природой, желанием быть с ней в гармонии. Французский философ Ж. Деррида утверждает, что знание настоящего – это знание бесконечности, вечности; понимание настоящего как универсальной формы трансцендентной жизни – это осознание того, что за пределами нашего эмпирического опыта, до нашего рождения и после нашей смерти существует сегодня, «здесь и сейчас» [7].

Постмодернизм, в частности постструктурализм, отвергает линейное время – от прошлого через настоящее к будущему. Время постмодернизма является полихронным, оно избегает категориальной и линейной периодизации. Некоторые современные исследователи полагают, что когда-то все люди чувствовали себя в «вечном сегодня», не видя разницы между прошлым и будущим [6]. Недавние изменения в понимании времени даже поощряют таких ученых, как английский физик С. Хокинг, избегать линейной концепции времени, и, следовательно, истории. С. Хокинг считает концепцию воображаемого времени, необходимую для объединения квантовой механики с теорией гравитации, очень полезным ментальным конструктом [5]. В воображаемом времени не существует принципиальной разницы между движением вперед и назад, следовательно, не существует различий между прошлым и будущим. Для С. Хокинга воображаемое время в действительности является реальным временем, а то, что мы называем реальным временем, есть плод нашего воображения.

Сформированная в определенном обществе модель мира, в том числе и временная, накладывает свой отпечаток на восприятие и понимание феномена человека. Мыслители эпохи постмодернизма выступают против традиционного понимания субъекта как суверенного существа, сознательно, независимо и активно определяющего свою деятельность и свою жизненную позицию. Они отрицают существование субстанционального, вечного, неделимого «Я» в центре мира, децентрируя его помощью введения понятия субъективности: «Я» существует лишь благодаря постоянному диалогу с другими как часть общей картины мира. В центре внимания постмодернистов находятся лингвистические структуры, что означает децентрацию субъекта. Сам субъект становится изменчивым, ситуативным, сконструированным; его идентичность конституируется и реконституируется относительно существующей социальной реальности.

Один из апологетов постмодернизма, французский философ и психиатр Ж. Лакан радикально пересматривает

классическое понятие субъекта. Если в рамках картезианской традиции субъект рассматривался как некая субстанциональная целостность, как суверенный носитель сознания и самосознания и как ценностная точка отсчета в культуре, то, по мнению Ж. Лакана, «субъект предстает как функция культуры, как точка пересечения различных символических структур и как точка приложения сил бессознательного: не культура является атрибутом индивида, а индивид оказывается «атрибутом» культуры, говорящей при помощи субъекта; сам же по себе субъект есть ничто (rien), некая «пустота», заполняемая содержанием символических матриц. Отсюда – постоянное взаимодействие между субъектом как носителем культурных норм и «Я» (Moi) как носителем «желания», т.е. между «символическим» и «воображаемым». «Символическое» стремится полностью подчинить себе индивида, тогда как задача «Я» состоит в том, чтобы, используя топосы культуры, создать с их помощью собственный нарциссический образ, то есть, подставив «Я» на место «субъекта», создать себе культурное алиби. Тем самым уточняется понятие бессознательного: бессознательное, по Лакану, это «речь Другого», но такая речь, которая постоянно редактируется «воображаемым» [1, с. 590].

Французский постструктуралист Ж. Делез и французский психоаналитик Ф. Гваттари [3] исходят из того, что гомогенного человека не существует, человек всегда онтологически гетерогенен. Не существует единого субъекта как центра самого себя. Субъективность всегда является результатом коллективного плана, который предусматривает существование не только множества индивидов, но и большого количества машинных, технологических, экономических факторов. Индивид – лишь частный случай такого рода, связанный с определенным типом культуры и общественной жизни. Бессознательное никогда не бывает сугубо индивидуальным, оно всегда в той или иной степени носит коллективный характер [4]. Мыслители разрабатывали концепцию расщепленного субъекта, являющегося машиной желания, все усилия которой направлены на производство желаний. Желание является важнейшей составляющей человека, потому что только оно может привести индивида к высшей степени освобождения тела, сознания и бессознательного. Сознание как первичный репрессивный механизм тормозит спонтанную деятельность машины желания. Бессознательное лишено структурирующей роли разума и характеризуется в психоанализе как машинный процесс, который сам является своей причиной и целью [3]. Желание – это сфера воображаемого без жестко заданного направления. В поле желаний как в пространстве возможного человек выступает многомерным и разносторонним.

Выводы. Постмодернистский дискурс свидетельствует о том, что абсолютная истина недостижима с позиции одной-единственной точки зрения. К тому же, любая точка зрения является предвзятой, определяемой интересами и потребностями каждого конкретного общества. Постмодернистские представления отходят от понимания человеческого «Я» как детерминированного, рационального, неделимого индивида. В пространстве постмодернистской картины мира идентичность теряет свою унитарность. Эта новая плюралистическая идентичность все больше подвергается воздействию

со стороны сил, которые не являются вполне рациональными, и предпочитает мифы истории, религию науке, циклическое время линейному. Таким образом, фрагментация общества в сочетании с возрождением интереса к коллективной идентичности, мифу, религии и циклическому времени требуют идеи, более сложной и глубокой, чем просто «смерть собственного Я». Они требуют осознания возрождения множественного «Я».

Нужна ли человечеству такая модель «Я»? Не является ли она сама пресловутым постмодернистским симулякром? И нужен ли нам сам термин – постмодернизм? По мнению И. Хассана [9], постмодернизм трансформируется в постмодерн/постмодернити, который является нашим глобальным/локальным состоянием/условием бытия. Постмодернизм, сознательно или нет, превращается в интерпретативную категорию, в герменевтический инструмент постижения мира. Диалог/борьба модернизма и постмодернизма выступают в качестве фильтра, через который мы понимаем историю, интерпретируем реальность, воспринимаем свою собственную личность. Таким образом, постмодернизм стал нашей тенью. О том, какой новый мета–метанарратив впишет в свою историю человечество, можно только догадываться.

Список использованных источников

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Данилова Т. В. Постмодерн: pro et contra. Соціально–історичний і культурологічний дискурс 50–80–х років ХХ століття // Антропологічні виміри філософських досліджень. – 2013. – Вип.3. – С.81–87.
3. Делез Ж. Анти–Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У–Фактория, 2007. – 672 с.
4. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности / А. В. Дьяков. – Курск: Изд–во Курск. гос. ун–та, 2006. – 246 с.
5. Хокинг С. Краткая история времени: от Большого взрыва до чёрных дыр / С. Хокинг. – СПб.: «Амфора», 2001. – 268 с.
6. Boslough J. The Enigma of Time // National Geographic. – March, 1990. – №177. – P.109–132.
7. Derrida J. Speech and Phenomena and the Other Essays on Husserl's Theory of Signs. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 166 p.
8. Dunning W. V. Post–Modernism and the Construct of the Divisible Self // British Journal of Aesthetics. – April, 1993. – Vol.33. – №2. – P.132–141.
9. Hassan I. H. From Postmodernism to Postmodernity: the Local/Global Context // Philosophy and Literature. – 2001. – 25 (1). – P.1–13.
10. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond / Philosophy Now. [Online], available at: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (Accessed 03 July 2015)
11. Levi–Strauss C. Structural Anthropology. – New York: Basic Books, 2008. – 441 p.

References

1. Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika / R. Bart. – M.: Progress, 1989. – 616 s.
2. Danylova T. V. Postmodern: pro et contra. Sotsialno–istorychnyi i kulturolohiichnyi dyskurs 50–80–kh rokiv XX stolittia // Antropolohichni vymiry filozofskyykh doslidzhen. – 2013. – Vyp.3. – S.81–87.
3. Delez Zh. Anti–Edip. Kapitalizm i shizofreniya / Zh. Delez, F. Gvattari. – Ekaterinburg: U–Faktoriya, 2007. – 672 s.
4. Dyakov A. V. Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti / A. V. Dyakov. – Kursk: Izd–vo Kursk. gos. un–ta, 2006. – 246 s.
5. Hoking S. Kratkaya istoriya vremeni: ot Bolshogo vzryiva do chYornyyh dyir / S. Hoking. – SPb.: «Amfora», 2001. – 268 s.
6. Boslough J. The Enigma of Time // National Geographic. – March, 1990. – №177. – P.109–132.
7. Derrida J. Speech and Phenomena and the Other Essays on Husserl's Theory of Signs. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 166 p.

8. Dunning W. V. Post–Modernism and the Construct of the Divisible Self // British Journal of Aesthetics. – April, 1993. – Vol.33. – №2. – P.132–141.

9. Hassan I. H. From Postmodernism to Postmodernity: the Local/Global Context // Philosophy and Literature. – 2001. – 25 (1). – P.1–13.

10. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond / Philosophy Now. [Online], available at: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (Accessed 03 July 2015)

11. Levi–Strauss C. Structural Anthropology. – New York: Basic Books, 2008. – 441 p.

Danylova T. V., Ph.D. in Philosophy, Associate professor of the department of philosophy, National University of life and environmental sciences of Ukraine (Ukraine, Kiev), danilova_tv@ukr.net

The concept of a pluralistic identity in the postmodern worldview

In the postmodern sense, everything that exists is an interpretation: we create our own reality interpreting the world around us. It is becoming increasingly obvious that there are alternative ways of thinking, perception of the world, and self-determination of human being in it. It is the awareness that leads us to the recognition and exploration of «alternate realities». This expanded consciousness is changing the very understanding of human identity: the human «I» is no longer something unified and indivisible, but it rather consists of various, sometimes contradictory parts. Postmodernist pluralism requires a revival of awareness of pluralistic self, multiple «I».

Keywords: identity, pluralist identity, subject, reality, consciousness, unconsciousness.

Данилова Т. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ), danilova_tv@ukr.net

Концепція плюралістичної ідентичності в постмодерністській картині світу

У постмодерністському сенсі все є інтерпретацією – ми самі створюємо свою реальність, інтерпретуючи навколишній світ. Стає все більш очевидним, що існують альтернативні способи мислення, сприйняття світу і самовизначення людини в ньому. Саме це усвідомлення призводить до визнання і дослідження «альтернативних реальностей». Таке розширення свідомості змінює і саме розуміння людської ідентичності: людське «Я» більше не є чимось єдиним і неподільним, а, навпаки, складається з різних, часто суперечливих, частин. Постмодерністський плюралізм вимагає усвідомлення відрождення плюралістичної самості, множинного «Я». Аналізу концепції ідентичності в постмодерністській картині світу і присвячена ця стаття.

Ключові слова: ідентичність, плюралістична ідентичність, суб'єкт, реальність, свідомість, несвідоме.

УДК 1(091):159

Сгупов М. В., науковий співробітник відділу якості освіти, Інститут вищої освіти Національної академії педагогічних наук України (Україна, Київ), uvarkina@ Rambler.ru

ЗМІСТОВНІ ПАРАМЕТРИ ІДЕНТИЧНОСТІ ЯК ОСЕРЕДДЯ КОНЦЕПТУАЛЬНИХ ПРОТИСТОЯНЬ

Ціннісно–критеріальну основу як індивідуального, так і масового світоглядного формату сучасності утворюють уявлення про ідентичність. Сукупність та ієрархія елементів будь–якої картини світу зазнає змін відповідно до соціокультурних пріоритетів конкретно–історичного суспільства. Водночас стереотипізм кожного конкретно–історичного рівня ідентичності здійснює зворотній детермінативний вплив на кожен сферу життєдіяльності людини і суспільства.

Ключові слова: ідентичність, світоглядний рівень, ціннісно–критеріальна основа, змістова ієрархія, образ людини, кореляція, концептуальна послідовність.

Для характеристики сучасного життєвого стилю американські соціологи запропонували образ Протея – морського бога грецької міфології, який міг повністю змінювати свій вигляд. «Протеїський стиль» характеризується таким способом існування, в якому не спостерігається наступності, когерентності, послідовності